

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

На правах рукописи

Воробьев Александр Владимирович

**ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО РАЗБОЙНОГО ПРИКАЗА
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ
XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.**

**Специальность 07.00.09 –
историография, источниковедение
и методы исторического исследования**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Москва – 2012

Работа выполнена в Центре истории русского феодализма Института российской истории РАН.

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Рогожин Николай Михайлович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Глазьев Владимир Николаевич

доктор исторических наук, доцент
Аракчеев Владимир Анатольевич

**Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Московский педагогический
государственный университет»**

Защита состоится «11» октября 2012 г. в 11 часов на заседании Диссертационного совета Д 002.018.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Институте российской истории РАН по адресу: *117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, ауд. 2.*

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института российской истории РАН.

Автореферат разослан «29» августа 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

Е.И. Малето

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В истории российской государственности период с конца XV до начала XVIII в. является временем существования приказной системы, изучение которой как одной из составляющих истории государственного управления – актуальная задача современной исторической науки.

Особое место в системе центрального управления России XVI – начала XVIII в. занимал Разбойный приказ, осуществлявший централизованную борьбу с тяжкими уголовными преступлениями на большей части государства. Важно, что Разбойный приказ начал формироваться одним из первых и был упразднен только в начале реформ Петра I в 1701 г. В ведении этого приказа находилась сеть специальных учреждений – губных изб, представлявших один из наиболее значимых институтов местного управления того времени. Таким образом, источниковедческое изучение его делопроизводства позволит нам составить более детальное представление о государственном управлении в России XVI – середины XVII в. на примере одного из центральных учреждений.

Взаимоотношения власти и общества, получившие выражение в центральных и местных институтах государственного управления, являются одним из краеугольных камней русской государственности. Административные механизмы, применяемые правительством в отношении его подданных, отразились в ряде других важнейших исторических явлений и затрагивают вопросы соотношения политики централизации и укладов различных территорий русского государства, правовых традиций и особенностей законодательства, а также судебного иммунитета и социальных конфликтов. Таким образом, изучение указанных проблем может внести вклад в осмысление русской государственности XVI – XVII вв., открывая возможности для более глубокого понимания ее истоков, ключевых сторон и дальнейшего развития.

Документальным базисом нашей работы является делопроизводство Разбойного приказа. По ряду причин фонд данного приказа не дошел до нас в виде единого комплекса, что обуславливает одну из задач нашего исследования – реконструкцию корпуса его делопроизводственной документации на основе материалов РГАДА и других российских архивов. К сожалению, многие из источников еще не были опубликованы, а то и вообще неизвестны нашей науке, публикация же некоторых актов зачастую неудовлетворительна.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца первой половины XVI в. до середины XVII в. Нижним хронологическим порогом является 1539 г. – время первых известий о проведении губной реформы и появления прообраза Разбойного приказа - боярской комиссии по разбойным делам. Заключительной датой является 1649 г., когда было составлено Соборное Уложение – памятник, ставший важной вехой в истории приказных учреждений и систематизировавший российское законодательство с середины XVI в.

Объектом исследования является Разбойный приказ и предшествовавшая его оформлению комиссия бояр, «которым розбойные дела приказаны», существовавшая с 1539 по 1549 гг. Соответственно, **предмет исследования** – делопроизводство этого учреждения и его отражение в других источниках.

Цель исследования: проанализировать документацию Разбойного приказа и продемонстрировать ее информативность как исторического источника по истории государственного управления в XVI – первой половине XVII вв.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

- реконструировать корпус делопроизводственной документации Разбойного приказа;

- выявить основные виды материалов делопроизводства Разбойного приказа и указать на их особенности;
- показать и объяснить эволюцию делопроизводства Разбойного приказа;
- изучить делопроизводственные материалы как источник по истории Разбойного приказа и государственного управления XVI – первой половины XVII вв.;
- проанализировать, каким образом отразилось содержание делопроизводства Разбойного приказа в других источниках.

Методологическая база исследования основана на принципах *историзма, объективности и научности*. Для решения поставленных задач мы прибегли к *реконструкции* делопроизводства Разбойного приказа, т.е. сбору и осмыслению сохранившихся актов как цельного корпуса, восстановлению основной номенклатуры и документооборота этого центрального учреждения с помощью *системно-функционального анализа*.

Исследование отдельно взятых источников и их совокупностей осуществлялось нами, прежде всего, через их *внешнюю* (*метод палеографического анализа*, датировка, атрибуция, включение в определенный исторический контекст) и *внутреннюю* (характеристика структуры, содержания и их анализ) *критику*. Для изучения актового материала нами применялся *формулярный анализ*, позволивший выявить структуру документа и рассмотреть ее составляющие.

Нами были привлечены отдельные нарративные и делопроизводственные материалы, при работе с которыми использовались, помимо прочих, и *текстологические методы*. Полученные результаты применялись для *перекрестной критики* основной источниковой базы, что позволило лучше обосновать результаты исследования.

Пробелы, имеющие место в приказной документации, удается в некоторой степени восполнить с помощью *метода ретроспективного изучения приказного делопроизводства*. Подобная возможность имеется

благодаря тому, что в делопроизводственной практике московских приказов широко использовались выписки из более ранних столбцов и книг. Кроме того, все материалы переписки приказов сохранялись как в учреждении-получателе (подлинник), так и в ведомстве-отправителе (отпуск). Таким образом, эти материалы хранились в двух экземплярах, что помогает восстановить документальные лакуны.

Учитывая состав источников, мы применили *проблемно-хронологический метод*, позволивший разделить широкие темы на ряд более узких проблем, рассмотренных в хронологической последовательности. Для выделения этапов и объяснения эволюции делопроизводства Разбойного приказа мы прибегли к *методу периодизации*.

Новизна диссертации состоит в том, что впервые проведено специальное источниковедческое изучение делопроизводства Разбойного приказа, выявлены отдельные виды делопроизводственных материалов, определена их номенклатура, показан документооборот учреждения. Сравнительный анализ делопроизводства Разбойного приказа с нарративными источниками, не имевшими прямого отношения к его канцелярии, позволил глубже раскрыть информативный потенциал указанных источников как по истории Разбойного приказа, так и по другим важным проблемам российской государственности XVI – XVII вв. В их числе история местного и центрального управления, законодательства, борьбы с уголовной преступностью, судебного и податного иммунитета. Кроме того, делопроизводство Разбойного приказа дает интересные сведения для изучения таких значимых явлений в истории России, как деятельность Избранной Рады, опричнина, Смутное время и проч.

Апробация исследования. По теме диссертации опубликованы четыре статьи общим объемом 3,5 п.л., в т.ч. три статьи в журналах, входящих в Перечень ВАК. Основные положения и выводы диссертации были изложены на шестых «Зубовских чтениях» в г. Александрове 16-17 ноября 2010 г. и на заседаниях Центра истории русского феодализма ИРИ РАН.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы при написании обобщающих работ и учебных курсов по истории России, истории русской государственности, истории центральных и местных учреждений и источниковедению делопроизводства XVI – XVII вв. Работа и использованные в ней методики будут полезны при изучении и реконструкции деятельности канцелярий государственных учреждений XVI – XVII вв.

Степень изученности проблемы. Исследование делопроизводства Разбойного приказа – задача, которая во всей своей полноте еще не была поставлена в нашей исторической науке. Ученые редко выбирали источниковедческий ракурс изучения этого вида документации, гораздо чаще подобные сюжеты рассматривались ими как проходящие в рамках следующих крупных проблем: история губных учреждений и преступности в России XVI – XVII вв., история законодательства, и наконец, функционирование приказной системы в целом и Разбойного приказа в частности. Учитывая это, мы рассмотрим труды предшественников в рамках трех тематических блоков.

Работы по истории местного управления и губного дела.

Б.Н. Чичерин стал автором первой монографической работы о деятельности губных учреждений XVII в. Историк высказал мысль о первоначальном земском характере губных учреждений и его переходе в приказное начало¹. Этот тезис был в дальнейшем развит *А.Д. Градовским*², *В.И. Курдиновским*³ и *Н.П. Ретвихом*⁴.

Источниковедческий подход к делопроизводству Разбойного приказа применяли *В. Ерлыков*, предложивший свой вариант разделения на статьи

---

¹ Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII в. М., 1856. С. 449-504.

² Градовский А.Д. История местного управления в России // Собрание сочинений. Т. 2. СПб., 1899. С. 209-218.

³ Курдиновский В. И. Губные учреждения Московского государства // Журнал министерства народного просвещения. 1895, № 10. С. 280–318; № 12. С. 309–342.

⁴ Ретвих Н.П. Органы губного управления в XVI и XVII вв. // Сборник правоведения и общественных знаний. СПб., 1896. Т. 6. С. 259-298.

губных грамот⁵, *С.А. Шумаков*, детально проанализировавший весь корпус известных дореволюционной науке губных грамот⁶, и *Ю.В. Арсеньев*, изучивший корпус документов каширской губной избы и ее делопроизводство⁷.

В советской историографии изучение проблем местного управления и губного института связано с исследованиями *Н.Е. Носова*, *А.А. Зимина* и *С.М. Каштанова*. Вышедшая в 1957 г. книга Н.Е. Носова, посвященная двум институтам местного управления XVI в. – городским приказчикам и губным старостам⁸, стала не только стимулом для продолжения исследования данной проблематики, но и началом полемики с А.А. Зиминым и С.М. Каштановым. Они оспорили мнение Н.Е. Носова о всероссийском характере губной реформы, о проведении реформы правительством Елены Глинской и выступили против раннего времени появления Разбойного приказа, отнеся его к 1555 г.⁹

Из современных трудов следует отметить монографию *В.Н. Глазьева*, изучившего функционирование губных учреждений на Юге России в XVII в. и их взаимодействие с Разбойным приказом¹⁰. Вопросы ранней истории Разбойного приказа и губной реформы затрагиваются в трудах *М.М. Крома*¹¹ и *Т.И. Пашковой*¹². *Е.А. Колесникова* исследовала учреждения местного управления (в т.ч. и губные органы) первой половины XVII в.¹³ Рассматривая интеграцию различных территорий в единое государство, *С.Н. Богатырев*

---

⁵ Ерлыков В. Сличенный текст всех доселе напечатанных губных грамот XVI и XVII века. М., 1847.

⁶ Шумаков С.А. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895; Он же. Новые губные и земские грамоты // Журнал министерства народного просвещения. 1909. № 10. С. 329-346.

⁷ Арсеньев Ю.В. Из делопроизводства каширских губных старост во второй половине XVII в. // Древности. Тр. Археогр. ком. Моск. археол. о-ва. М., 1900. Т. I. Вып. 1. С. 89-102.

⁸ Носов Н.Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.–Л., 1957.

⁹ Каштанов С.М. К проблеме местного управления в России первой половины XVI в. // История СССР. 1959. № 6. С. 134-148; Зимин А.А. Губные грамоты XVI в. из Музейного собрания. // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 18. М., 1956. С. 210-212.

¹⁰ Глазьев В.Н. Власть и общество на Юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001.

¹¹ Кром М.М. Хронология губной реформы и некоторые особенности административных преобразований в России XVI века // Исторические записки. Вып. 10 (128). М., 2007. С. 373 – 397.

¹² Пашкова Т.И. Местное управление в России первой половины XVI в.: наместники и волостели. М., 2000. С. 113-124.

¹³ Колесникова Е.А. Местные органы власти в России после Смуты (1613-1645 гг.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1995. С. 14-15.

большое внимание уделял деятельности губного института и социальному портрету губных старост¹⁴. Наконец, *А.А. Аракчеев* сделал ряд важных выводов, касающихся различных институтов местного управления XVI в., среди которых наместники и губные старосты¹⁵.

Труды советских историков середины XX в. вызвали отклик у ряда англоязычных исследователей *Д. Купа*¹⁶, *Х. Дьюи*¹⁷, *Б. Дэвиса*¹⁸, высказавших интересные суждения не только о проведении реформы и отмене кормлений, но и о преступности в России середины XVI в.

Работы по законодательству Разбойного приказа.

Впервые этого вопроса коснулся *В.Н. Татищев*, опубликовавший по уникальному списку текст Судебника 1550 г. с комментариями¹⁹. Спустя почти сто лет началось исследование и публикация указных книг Разбойного приказа *Н.П. Шалфеевым*²⁰ и *К.М. Оболенским*²¹.

Среди общих трудов *М.Ф. Владимирского-Буданова* по истории законодательства вызывают интерес замечания, касающиеся Разбойного приказа, не утратившие своего значения до сих пор²².

В советской историографии интерес к законодательству Разбойного приказа возник благодаря работам *Н.Е. Носова* и *А.А. Зимина*. Публикации ряда памятников права (в т.ч. указных книг данного приказа) были снабжены высокопрофессиональными комментариями *А.Г. Поляка*²³, *Н.Е. Носова*²⁴ и

---

¹⁴ S. Bogatyrev. Localism and Integration in Muscovy // Russia takes shape. Patterns of integration from the middle age to the present. Helsinki, 2004. P. 59-127.

¹⁵ См. например: Аракчеев В.А. Наместники в России XVI в. // Вопросы истории. 2010. № 1. С. 3-20.

¹⁶ Keep J. Bandits and the Law in Muscovy // The Slavonic and east European Review. Vol. 35. № 84 (December 1956). P. 201-223.

¹⁷ Dewey H.W. Muscovite Guba Charters and the Concept of Brigandage (Razboj) // Papers of the Michigan Academy of Science, Arts and Letters. 1966. Vol. LI. P. 277 – 288.

¹⁸ Davis B. The Decline of Moscow Namestnik // Oxford Slavonic Papers. 1965. Vol. XII. P. 21-39.

¹⁹ Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т VII. Л., 1968. С. 288, 299, 311, 337-338.

²⁰ Шалфеев Н.П. Об Уставной книге Разбойного приказа. СПб., 1868.

²¹ Оболенский К.М. Уголовные законы царя и великого князя Иоанна IV Васильевича. СПб, 1841. С. 1-22.

²² См., например: Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 3. СПб., 1889. С. 51.

²³ Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства, XV–XVII вв. М., 1956. С. 353-370, 383-400.

²⁴ Носов Н.Е. Уставная книга Разбойного приказа 1555–1556 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Т. IV. С. 23-49.

А.Г. Манькова. Перу последнего принадлежит и несколько общих трудов по истории русского законодательства этого периода²⁵.

Работы по истории приказной системы.

Изучение центральных учреждений русского государства XVI - начала XVII вв. началось в конце XVIII в. В то время перед исследователями стояла задача создания общих обзоров по данной проблематике. В качестве примера достаточно указать на работу *Г.Ф. Миллера*²⁶.

Важными в дореволюционной историографии трудами были исследования *К.А. Неволлина*²⁷ и *Н.И. Вернера*²⁸. Эти работы разделяет солидный временной отрезок, но они оба активно использовали исследования губных учреждений для реконструкции истории Разбойного приказа. К.А. Неволлин и Н.И. Вернер определяют компетенцию ведомства, решают вопросы его ранней истории и вносят его в свою классификацию приказов русского государства.

Рассмотрение советской историографии изучения приказов следует начать со статьи А.А. Зимина, где он высказал ряд ценных суждений о складывании приказной системы, способствовавших возникновению продуктивной полемики по данной проблематике²⁹.

В 60-х гг. XX в. увидела свет монография *А.К. Леонтьева* о формировании приказной системы в России в первой половине XVI в. Он предложил интересные решения ряда вопросов ранней истории Разбойного приказа и указал на некоторые особенности его делопроизводства³⁰.

Своеобразным фундаментом для изучения приказов и их делопроизводства стали справочники *С.К. Богоявленского*, *С.Б. Веселовского*

---

²⁵ Маньков А.Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. М., 1980. С. 255; Он же. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 2002. С. 186-208.

²⁶ Миллер Г.Ф. Московские и другие старинные приказы // ДРВ. Ч. XX. М., 1791. С. 277-421.

²⁷ Неволлин К.А. Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого // Полное собрание сочинений К.А. Неволлина. Т. 6. Исследования о различных предметах законоведения. СПб., 1859. 169-171, 197-199.

²⁸ Вернер И.И. О времени и причинах образования Московских приказов // Ученые записки Лицея цесаревича Николая. Вып. 1., М., 1907. С. 91., Вып. 2., М., 1908. С. 149-164, 197-199.

²⁹ Зимин А.А., О сложении приказной системы на Руси // Доклады и сообщения института истории АН СССР. М., 1954. Вып. 3. 164-176.

³⁰ Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. Из истории создания централизованного государственного аппарата в конце XV – первой половине XVI в. М., 1961. С. 152-169.

и *Н.Ф. Демидовой*, где авторы, суммируя результаты своей многолетней работы, представили перечни судей, дьяков и подьячих, служивших в центральных учреждениях. Ценность этих работ еще и в том, что историки указали на ряд материалов приказного делопроизводства, актуализированных ими³¹.

Современный этап изучения приказной системы тесно связан с наследием *М.Н. Тихомирова* и основанного им направления в историографии, исследующего вопросы генезиса приказной системы, проблемы статуса приказных людей и делопроизводства центральных учреждений и других важных аспектов российской государственности³².

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, библиографического списка и приложения «Список судей Разбойного приказа (1539-1649 гг.)».

---

³¹ Богоявленский С.К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI-XVII веков. М., 2006; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975; Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. (1625-1700) Биографический справочник. М., 2011.

³² См., например: Тихомиров М.Н. Приказное делопроизводство в XVII в. // Российское государство XVI-XVII веков. М., 1973; Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV-начала XVII в. М., 1962; Мерзон А.Ц. Писцовые и переписные книги XV-XVII вв. Учебное пособие по источниковедению истории СССР. М., 1956; Лукичев М.П. Боярские книги XVII века: труды по истории и источниковедению. М., 2004; Новохатко О.В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII века. М., 2001; Рогожин Н.М. Посольские книги России конца XV – начала XVII в. М., 1994; Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003; Гуськов А.Г. Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М., 2005; Иванова Е.В. Источниковедческий обзор документов Печатного приказа (1613–1649) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). Сборник статей. М., 2004. С. 138–149; Устинова И.А. Книги патриарших приказов 1620-1649 гг. как исторический источник. М., 2011.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Глава I «ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО РАЗБОЙНОГО ПРИКАЗА XVI ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в. (1539-1649 гг.)» посвящена анализу документооборота и делопроизводственных материалов Разбойного приказа, выявлению их особенностей и источниковедческих приемов работы с ними.

Общий обзор использованных в диссертационном исследовании материалов представлен в параграфе **1.1. «Судьба архива Разбойного приказа и источники для его реконструкции»**. Документация данного учреждения не сохранилась в виде единого комплекса. Причиной этому стали форс-мажорные обстоятельства и плохое хранение судебных дел, не представлявших долгосрочного интереса (мнение С.Б. Веселовского). Хотя некоторые виды делопроизводственной номенклатуры утрачены, а число известных дошедших до нас актов по самым приблизительным подсчетам измеряется несколькими сотнями, это отнюдь не является препятствием для достижения поставленной цели. Указанные недостатки компенсируются тем, что имеющиеся источники охватывают практически все регистры делопроизводства Разбойного приказа.

Наиболее ранний вид документации Разбойного приказа анализируется в параграфе **1.2. «Уставные губные грамоты»**. По своему характеру все они, за исключением одной, представляют собой указные грамоты, адресованные от имени великокняжеской власти местному населению, которое не только получало их на руки, но и было обязано хранить и рассылать их копии. Губная грамота носила уставной характер, то есть учреждала на определенной территории губные институты и содержала в себе основополагающие нормы для их функционирования.

Хронологически все известные акты данного типа относятся к 1539-1543 гг. и по своему действию охватывают территорию севера и северо-востока русского государства, за исключением рузской губной грамоты. Хотя их выдачей занималась не только комиссия по разбойным делам, но и Казна,

и Дворец, характерные особенности формуляра этих документов свидетельствуют о принадлежности к одной канцелярии учреждения.

Кроме того, губные грамоты отличаются друг от друга изложенными в них нормами и некоторыми формулярными оборотами. Это указывает на быструю эволюцию делопроизводства боярской комиссии, постоянно корректировавшей формуляр.

В подпараграфе **1.2.1. «Вельская губная грамота 1539/40 г.»** показано значение данного памятника для изучения проблем государственного управления в России середины XVI в. Исследуемая губная грамота, обнаруженная Ю.С. Васильевым, представляет собой один из девяти актов этого вида и впервые полностью вводится нами в научный оборот (совместно с М. С. Черкасовой). Анализируемый документ свидетельствует о преемственности между губной и земской реформами в рамках тенденции передачи власти от наместников и волостелей к выборным представителям населения уезда. Привлечение других источников позволяет утверждать возможность использования сделанного вывода применительно к развитию местного управления на территории всего Русского Севера. Наконец, обратим внимание на одну из норм Вельской губной грамоты, ставшую источником для более поздней дополнительной статьи к Судебнику 1550 г.

Параграф **1.3. «Наказы и наказные памяти»** посвящен исследованию нормативно-правовых инструкций, регулировавших деятельность агентов Разбойного приказа. Исторически наказания пришли на смену губным грамотам, зафиксировав оформление приказа с полноценным штатом и развитым делопроизводством. От губных грамот наказы отличались единообразием и выдавались каждому губному старосте лично перед вступлением в должность. Это позволяло оперативно вносить изменения в наказы и доводить до сведения агентов новые нормы.

Наказы получали не только губные старосты, но и государевы посланники, известные позднее как сыщики. Сравнение хронологически

близких инструкций для представителей обоих институтов позволяет говорить о формулярном и нормативном сходстве этих документов.

Анализируя сохранившиеся указы, мы выделили несколько редакций. Первая (конец 1540-х – начало 1550-х гг.) фактически стала точкой отсчета оформления Разбойного приказа и его делопроизводства. Вторая (середина и конец 1550-х гг.) зафиксировала некоторые новые особенности правового статуса губного института, сложившегося ко времени отмены кормлений и проведения земской реформы. Один из этих указов вошел в качестве эталонного в Указную книгу Разбойного приказа 1555-1556 гг. Третья редакция (начало 1570-х гг.) привнесла нормы, связанные с введением опричнины. Четвертая (середина 1580-х гг.) отразила новые узаконения, принятые при Федоре Ивановиче.

Инструкции начала XVII в. уже в меньшей степени демонстрируют связь с делопроизводственной традицией XVI в. Смута практически свела на нет преемственность в составлении указов, нанеся удар по традициям делопроизводства. Максимально конкретны указы 20-х гг. XVII в., они используют иные формулярные обороты и выражения – в этом их отличие от актов XVI в. Хотя указы губным старостам первой половины XVII в. не сохранились, у нас есть все основания полагать, что в их формуляре проходили похожие процессы.

Наказные памяти по своей функциональности примыкали к приказам, но в отличие от них выдавались Разбойным приказом сыщикам, воеводам, недельщикам, доводчикам и проч. для исполнения краткосрочных поручений. Обычным делом была выдача наказных памятей губным старостой подчиненным ему целовальникам и более мелким чинам. Наказные памяти местных учреждений содержали инструкции и удостоверяли права агента на проведение оперативно-следственных мероприятий.

Распоряжения Разбойного приказа для агентов на местах анализируются в параграфе **1.4. «Указные грамоты»**. Это один из наиболее

ранних видов акта в канцелярии Разбойного приказа, имевших устойчивый формуляр. Указные грамоты направлялись из приказа его агентам на местах, а в некоторых случаях и воеводам, доводя до них решения центрального ведомства, и предназначались для собственного пользования. Отсюда очевидна ограниченность указных грамот как источника, затрагивающего определенный круг вопросов (установление пределов компетенции губных старост, проведение выборов персонала губных изб и их материальное обеспечение, доведение до сведения агентов законодательных норм, указов по текущим судебным делам и проч.). При этом они максимально соответствовали реальной практике делопроизводства и деятельности Разбойного приказа и губных старост.

Для указных грамот характерны упоминания и даже изложение ряда несохранившихся документов. Наконец, в первой половине XVII в. были нередки случаи, когда отдельные документы становились источником для закрепления законодательной нормы.

Проблема проведения губной реформы в одном из центральных регионов русского государства изучается в подпараграфе **1.4.1. «Русская указная грамота 1541-1543 гг.»**. Ценность данного акта в том, что он не только освещает процесс становления губного института в Рuzском уезде, но и содержит краткое изложение недошедшей до нас губной грамоты. Последняя является наиболее поздней из известных губных грамот и включает несколько особенностей, среди которых норма, разграничивающая компетенцию кормленщиков и губных старост.

В 1541-42 гг. жители Рuzского уезда получили губную грамоту, но не сумели выполнить возложенные на них обязательства, поскольку не проявили должной самостоятельности. Для разрешения сложившейся ситуации боярская комиссия направила населению указную грамоту, в которой, помимо прочего, впервые четко требовалось соблюдать три новых пункта: вершить дела самостоятельно («без нашей обсылки»), в случае

необходимости смещать непригодных губных старост и заверять список выбранных голов печатями.

Механизму нотариального утверждения одной из разновидностей актов посвящен подпараграф **1.4.2. «Указные грамоты Разбойного приказа в делопроизводстве Печатного приказа»**. Грамоты, содержавшие распоряжения для губных старост и других агентов, выдававшиеся для удовлетворения нужд челобитчиков, регистрировались в Печатном приказе, где к актам прикладывали печать и вносили запись об этом в специальные книги. В отношении грамот из Разбойного приказа этот механизм уходит корнями еще в середину XVI в. В диссертации были раскрыты мотивы, побуждавшие частных лиц, обращаться в приказ, минуя губных старост.

Анализируя пошлинные и беспошлинные книги Печатного приказа 1613-1616 гг., нам удалось выявить пласт записей, зафиксировавших указные грамоты Разбойного приказа, выдаваемые челобитчикам и имеющие характерное содержание. Предложенный нами метод вычленения таких записей применим и к более поздним книгам Печатного приказа. По нашим подсчетам, всего за неполные три года и шесть месяцев (1613-1616 гг.) через нотариальное ведомство прошло чуть больше сотни указных грамот. Подобные акты составляли лишь небольшую часть делопроизводства Разбойного приказа. Основная масса выявленных грамот посвящена проблемам ведения следствия, кадровым вопросам губных учреждений, строительству тюрем, решениям по челобитным на губных старост, полностью подсудных Разбойному приказу

Институт принесения присяги агентами власти рассмотрен в параграфе **1.5. «Крестоцеловальная запись губных старост середины XVI в.»**. Анализируя этот акт, мы уточнили время его составления (сентябрь 1550 г. – 18 января 1555 г.). Нами выделен ряд оригинальных норм, содержащихся в крестоцеловальной записи, позволяющих детализировать наши представления о развитии законодательства того периода. Согласно тексту источника, должностные лица давали клятву верности не только царю и его

семье, но и «землям», то есть населению русского государства. Этот факт является еще одним доказательством того, что единение царской власти и «земли» посредством создания выборных органов местного самоуправления – лейтмотив земской и губной реформ середины XVI в.

В целом же институт присяги, приносимой губными старостами в Разбойном приказе, имел большое значение, поскольку без нее выбранный дворянин или сын боярский не допускался к несению службы в органах местного управления. Изучение записи середины XVI в. позволяет говорить об отражении в этом виде документации наиболее важных должностных обязанностей губных старост, в исполнении которых было особо заинтересовано правительство.

Задача параграфа **1.6. «Жалованные грамоты»** состоит в рассмотрении иммунитетных привилегий агентов Разбойного приказа. Время их появления, как и других жалованных грамот, выдававшихся из приказов, относится к середине XVI в. Формуляр актов, которые получали сотрудники губных органов, был новым, скомпонованным из известных ранее элементов, что привело к противоречию двух норм, содержащихся в документе. Анализ двух сохранившихся жалованных грамот 1571 г. и 1580 г. показывает взаимосвязь между некоторыми особенностями формуляра и социальным статусом грамотчика и эволюцию одной из привилегий. Широкое бытование жалованных грамот имело место до конца XVI – начала XVII вв. К этому времени основные права губных старост и их помощников уже были закреплены в Указных книгах.

Проблема взаимоотношений Разбойного приказа с другими центральными учреждениями затрагивается в параграфе **1.7. «Памяти и материалы сообщения приказов»**. Память как вид делопроизводственной документации обладала устойчивым формуляром, поэтому целесообразно рассматривать ее исходя из того, с какими ведомствами и по каким вопросам велась переписка. Характер судебной деятельности Разбойного приказа подразумевал активное взаимодействие с широким кругом учреждений.

Часто в Разбойный приказ направлялись памяти с просьбой сделать выписку либо из указных книг, либо из судебных дел по интересующему вопросу, что нередко дает нам дополнительные данные для изучения законодательства того времени. Памяти могли делегировать Разбойному приказу особые поручения, не входящие в его компетенцию. Особые отношения связывали Разбойный приказ с Разрядом, Поместным и Печатным приказами.

Параграф 1.8. «"Дело" как термин делопроизводства Разбойного приказа» посвящен одной из важнейших единиц документооборота этого учреждения. Прежде всего, нами установлено, что содержание понятия «дело» в XVI-XVII вв. совпадает с современным, то есть под ним следует понимать совокупность документов по одному судебному казусу. К сожалению, до нас не дошло ни одного полного дела из канцелярии Разбойного приказа, что не мешает нам реконструировать структуру этого источника.

Сначала власти фиксировали совершенное преступление документально. Затем губные старосты проводили первичные следственные мероприятия, которые после оформления отправлялись в виде отписки в Разбойный приказ. Последний, как правило, требовал присылки всего подлинного дела. Рассмотрев запрошенные бумаги, в приказе принимали решение о проведении определенных следственных мероприятий. Получив очередной ответ от губных старост, в Разбойном приказе выносился приговор. Последующая переписка была связана с исполнением наказания и распределением конфискованного имущества. Хотя предложенная схема в общих чертах верна, в реальности она могла усложняться.

Как видно из вышесказанного, само по себе дело всего лишь объединяло различные материалы, что отнюдь не исчерпывает его значения как источника. Оно представляло собой структуру, отражающую ход документооборота, куда были включены различные акты, многие из которых встречались только в составе дела.

Параграф **1.9. «Росписные и статейные списки»** раскрывает один из важнейших аспектов взаимоотношений Разбойного приказа и губных изб. Росписные списки представляли собой перечни делопроизводственного материала губной избы за определенный промежуток времени, внутри которых есть разделение по годам. К сожалению, на данный момент нам известно всего два подобных источника, а это не позволяет судить о динамике изменения их формуляра. Изучая оба росписных списка, можно сделать вывод о том, что приемы их составления могли различаться в зависимости от местных традиции делопроизводства. Росписные списки имеют большое значение для изучения делопроизводства Разбойного приказа и его агентов, определения их соотношения и объемов.

Статьейные списки – структурированные перечни заключенных, распределенных по категориям - «статьям» губной тюрьмы. Подобные реестры составлялись и в тюрьмах других органов. Статьейные списки являлись не только учетным документом, с их помощью в Разбойном приказе судьи, а иногда и сам царь выносили приговор преступникам, отмечая его напротив имени сидельца. Для реализации этой функции в него вносилось не только имя заключенного, но и краткое изложение его дела. Дело заключенного в основных чертах одинаково излагалось как в росписном, так и статейных списках. Это позволяет отчасти компенсировать плохую сохранность росписей архивов губных изб. Наконец, росписной и статейные списки (наряду с приходо-расходными книгами) доставлялись в приказ губным старостой при сдаче им дел.

В параграфе **1.10. «Приходо-расходные книги губных старост и сопутствующее им делопроизводство»** рассматривается финансовая сторона деятельности Разбойного приказа и его агентов. Приходо-расходные книги были основополагающим финансовым документом для губных старост и контролировавшего их приказа. Деятельность местных органов, борющихся с преступностью, имела финансовый аспект: взимание судебных пошлин и распоряжение конфискованным имуществом, а главное, сбор с

населения денег на обеспечение нужд губной избы. После получения денег губной дьяк делал запись в книгу и выдавал специальную отпись о совершении оплаты. При продаже имущества преступника покупателю выдавалась и купчая, и выпись из книги. К финансовой документации относились и росписи украденного имущества, которые подавали потерпевшие. Такой же перечень составляли со слов преступника, это делалось для определения суммы компенсации. Наконец, отдельный документ фиксировал опечатанное имущество преступника. Все эти росписи входили в состав дела.

В параграфе **1.11. «Общий обзор делопроизводства Разбойного приказа XVI-первой половины XVII в.»** подводятся итоги второй главы, и предлагается схема документооборота не только самого приказа, но отчасти и губных изб. Исторически делопроизводство Разбойного приказа прошло несколько этапов.

На первом этапе (1539-1549 гг.) появилось большинство видов документов, при этом сам приказ (как и его делопроизводство) находился в стадии формирования, у него не было постоянного штата. Начало второго этапа (1549-1584 гг.) обозначилось сменой губных грамот наказами губных старост как более совершенной формой делопроизводства и появлением постоянных кадров в учреждении. На протяжении этого хронологического отрезка сформировалась вся номенклатура делопроизводственных материалов, некоторые из которых будут существовать лишь в данном периоде. Третий этап (1584-1613 гг.) носил переходный характер, в делопроизводстве происходили мелкие изменения, связанные с преодолением косных элементов формуляра документов. Четвертый этап (1613-1649 гг.) связан с преодолением последствий Смуты Разбойным приказом и его агентами через восстановление и стандартизацию деятельности.

В главе II «ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И НАРРАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ РАЗБОЙНОГО ПРИКАЗА»

анализируются материалы, не имеющие прямого отношения к канцелярии Разбойного приказа, и выявляются сведения, которые могут использоваться для достижения поставленной цели.

Параграф 2.1. посвящен анализу законодательных источников.

В подпараграфе **2.1.1 «Судебники XVI – начала XVII в.»** мы изучаем памятники, послужившие основой законодательства этого периода. Судебник 1550 г. стал точкой отсчета для развития права вплоть до принятия Соборного Уложения. Все нормы (в т.ч. и в указных книгах Разбойного приказа), принятые после 1550 г., имели статус «дополнительных статей» к кодексу середины XVI в. В Судебнике 1550 г. мы выделили и рассмотрели статьи, регулировавшие деятельность Разбойного приказа и губных старост. Многие из этих статей в дальнейшем вошли в Соборное Уложение. Более поздние Судебники (Судебник Русского Севера конца XVI в. и Сводный Судебник начала XVII в.) лишь обобщили нормы, касающиеся борьбы с профессиональной преступностью, без учета указных книг Разбойного приказа.

Судебники этого периода в интересующем нас аспекте представляют собой кодекс консервативных, все сильнее устаревавших со временем норм, переходящих из памятника в памятник. В отличие от Указных книг, Судебники способствовали развитию тенденции к упорядочиванию законодательных норм, стремясь придать правовому кодексу системность.

В подпараграфе **2.1.2. «Указная книга Разбойного приказа 1555-1556 гг. и отдельные законодательные нормы второй половины XVI-начала XVII в.»** рассматривается развитие уголовного законодательства во второй половине XVI-начале XVII в. Самые важные нормы Указной книги 1555-1556 гг. сводились к укрупнению губных округов до уровня уезда и оформлению статуса губных старост как агентов правительства по широкому кругу вопросов. Указная книга Разбойного приказа является самой ранней из

сохранившихся указных книг московских приказов, ее трудно переоценить как источник. Время составления памятника пришлось на важный период деятельности Избранной рады. Указная книга 1555-1556 гг. помогает понять степень участия царя и его советников во внутренней политике, а также лучше очертить ее контуры. В Указной книге содержатся упоминания о существовании ряда явлений и процедур, не зафиксированных в губных грамотах – практически единственных источниках по проведению губной реформы и образованию приказа.

Кроме того, нами был выделен ряд узаконений из недошедших до нас указных книг второй половины XVI – начала XVII в. Это позволяет утверждать, что мы располагаем лишь корпусом их известных редакций, которые не равнозначны текущим делопроизводственным записям с занесенными в них указами и приговорами.

В подпараграфе **2.1.3. «Уложение Бориса Годунова по организации губного дела 1600-1601 гг.»** раскрывается сущность одного из аспектов внутренней политики Бориса Годунова в начале XVII в. Исследование этого памятника, практически не изученного в нашей историографии, позволило нам дать более четкую и развернутую его интерпретацию, существенно уточнить датировку и обстоятельства его составления и бытования.

Есть основания полагать, что Уложение являлось частью широкой программы Бориса Годунова по смягчению налогообложения и его более равномерному распределению. К реализации этих мер власти приступили еще до великого голода начала XVII в. Уложение избавляло податное население от строительства тюрем и содержания особых целовальников, собиравших деньги «за наместнич доход». Теперь эта функция передана персоналу губных изб, материальное положение которого было улучшено. Для более справедливого обложения податными и повинностями отменялись тарханы. Подати распределялись с учетом величины конкретных податных единиц. В разработке данного памятника, судя по всему, участвовал не только Разбойный приказ, но и четвертные приказы. Полному приведению в

жизнь этого и других преобразований Бориса Годунова помешал начавшийся вскоре глубокий кризис всех сфер русского общества.

Подпараграф **2.1.4. «Указная книга Разбойного приказа 1616/17 г.»** посвящен рассмотрению важного памятника, во многом обеспечившего преемственность уголовного законодательства второй половины XVI и первой половины XVII в. Анализ отдельных статей Указной книги 1616/17 г. показал, что более половины из них восходит ко времени Ивана IV, Федора Ивановича и Бориса Годунова. Это, а равно и сама преамбула к кодексу, не дает нам возможности утверждать, что в Указную книгу вошли нормы, принятые после Смуты.

Составители работали над Указной книгой, имея перед собой ряд конкретных проблемных вопросов. По каждому из них делалась подборка ранее принятых законодательных норм в хронологическом порядке, многие из них подверглись редактуре. Они пытались привести в порядок законодательные нормы, накопившиеся еще с 50-х гг. XVI в., поскольку после Смуты приказ нуждался в новом кодексе.

Согласно изначальному замыслу, Указная книга 1616/17г. предназначалась для собственного пользования дьяков и судей центральных учреждений, но потребность в практическом судебнике на местах привела к более широкому его распространению в списках с дополнительными нормами, принимаемыми позже.

В подпараграфе **2.1.5. «Указные книги Разбойного приказа первой половины XVII в. (1618-1649 гг.)»** рассматривается развитие уголовного законодательства изучаемого учреждения после Смуты. В историографии принято говорить о двух указных книгах Разбойного приказа первой половины XVII в., но точнее - о двух основных редакциях одного памятника, запечатленных в различных списках.

Принципы, лежавшие в основе составления Указных книг с середины XVI в., претерпели изменения. В отличие от более раннего времени, составители новой Указной книги первой половины XVII в. были склонны

фиксировать не только абстрактно сформулированные нормы, но и решения царя или боярской думы по конкретным вопросам. В ряде случаев не совсем ясно, почему тот или иной указ или приговор вносился в книгу. Иногда речь шла о принятии закона, который уже был в более ранней Указной книге.

Кодекс, составленный в Разбойном приказе в первой половине XVII в., был менее системным, чем его предшественники и состоял из большого количества малых частей, разнообразных по содержанию, нежели, как это было ранее, из нескольких крупных указов/приговоров, в рамках которых нормы носили системный характер. Указная книга первой половины XVII в. обладала и несомненными достоинствами. Главными из них являлись свежесть и актуальность норм, их четкая привязка к жизненным реалиям, стремление максимально точно решать проблемы, что, несомненно, позволило эффективно использовать этот памятник при составлении Соборного Уложения.

Подпараграф **2.1.6. «Соборное Уложение 1649 г.»** подводит промежуточный итог развития законодательства Разбойного приказа. Анализируя данный памятник, в центре нашего внимания оказываются XXI и XXII главы, регулировавшие деятельность изучаемых учреждений. Законодательные источники этих разделов - Указные книги, Судебники, а также Литовский статут и «Закон градский». Активное вовлечение в русское законодательство памятников иной правовой традиции свидетельствует о размывании компетенции Разбойного приказа.

Значение Соборного Уложения для изучения поставленных вопросов сводится нами к двум положениям. Во-первых, оно обобщило несколько Судебников, указных книг и иных узаконений и соединило различные тенденции в русском законодательстве – высокую генерализацию статей Судебников и конкретность, актуальность норм указных книг. Во-вторых, Соборное Уложение предопределило изменения в суде- и делопроизводстве. Кодекс, принятый в 1649 г., получил широкое распространение и стал настольным судебником для агентов центральной власти. Интересно, что

Разбойный приказ рассылал губным старостам списки из Соборного Уложения и из Кормчей книги, в которую входил «Закон градский».

Параграф 2.2. посвящен анализу нарративных источников.

Задачей подпараграфа **2.2.1. «Записки и сочинения иностранцев»** является анализ таких нарративов, как записки Генриха Штадена, трактат Джильса Флетчера, «Писанные законы России», сочинения Жака Маржерета, «Записки о царском дворе...», анонимных шведских донесений 1624-26 гг. о положении в России и труда Адама Олеария. Подобные нарративы зачастую содержат лишь общие сведения о Разбойном приказе и его агентах. Несмотря на это, внимательное изучение их позволяет выделить ряд оригинальных известий, прежде всего, для конца XVI – начала XVII в., значительно дополняющих актовый материал. Например, Дж. Флетчер проливает свет на финансовый аспект функционирования Разбойного приказа и указывает на малоизвестные стороны деятельности губных старост, Ж. Маржерет и автор «Записки о царском дворе...» подтверждают усиление контроля Разбойным приказом губных старост, шведские донесения позволяют судить о высокой оценке русским обществом деятельности князя Д. М. Пожарского на посту главы этого ведомства. Неоценимы сочинения иностранцев в случае, когда в них сообщается о лицах, руководивших приказом в XVI – начале XVII в.

В подпараграфе **2.2.2. «Житие Адриана Пошехонского как источник для реконструкции одного из дел Разбойного приказа в середине XVI в.»** рассматривается процессуальная практика губных старост и их взаимоотношения с Разбойным приказом. В центре внимания житийный рассказ о разбойном нападении на пошехонскую обитель и жестоком убийстве игумена Адриана. В ходе анализа памятника удалось установить его высокую достоверность, идентифицировав пошехонских губных старост с реальными лицами, фигурирующими в актовом материале, объяснить взаимодействие губных старост с местными властями, показать, что взаимодействие с Разбойным приказом происходило в рамках норм наказов конца 40-х – начала 50-х гг. XVI в., уточнить процедуру распределения

средств для компенсации потерпевшим, лучше представить портрет губных старост того времени и особенности организованной преступности.

Критике т.н. известий В. Н. Татищева посвящен подпараграф **2.2.3. «“Известия” В. Н. Татищева о законодательстве Разбойного приказа эпохи Ивана IV»**. Изучение и интерпретация комментариев ученого к некоторым статьям Судебника 1550 г. позволяют говорить о том, что он располагал наказом губным старостам времени опричнины, неизвестной нам указной грамотой из Разбойного приказа и еще одним актом (предположительно, наказом или указной грамотой). Разъясняя положения Судебника 1550 г., В. Н. Татищев привлек данные материалы и создал сложную контаминацию. Из трех «известий» историка удалось подтвердить достоверность одного из них. По нашему мнению, В. Н. Татищев смотрел на реалии XVI в., используя многочисленные нормы законодательства XVII – XVIII вв. Подобный «взгляд» складывался из взаимных наложений разновременных законодательных новелл и приводил к созданию соответствующих комментариев.

Мы также обратили внимание на публикацию В.Н.Татищевым одной из дополнительных статей к Судебнику 1550 г., сделанную по недошедшему до нас списку. Нами было установлено, что одна из добавочных норм этой статьи является оригинальной и отсутствует в других известных списках. Этот факт, известный дореволюционной историографии, практически выпал из внимания советской исторической науки. Таким образом, она была заново актуализирована для исторической науки.

Исследованию единственного нарратива, содержащего сведения о проведении губной реформы, посвящен подпараграф **2.2.4. «Псковские I и III летописи»**. Изучение этих памятников с учетом историографии позволило прийти к выводу о высокой достоверности обеих летописных редакций, которые отличаются лишь расстановкой акцентов, не расходясь при этом ни в положительной оценке самой реформы, ни в основных препятствиях к ее осуществлению. По нашему мнению, сообщение

Псковской I летописи о времени начала губной реформы (1540/41 г.) заслуживает доверия с поправкой на то, что составитель попытался сблизить время начала общероссийской реформы с произошедшей позже выдачей псковичам губной грамоты. Анализируя летописное сообщение, можно сделать вывод о том, что псковичи, стремясь получить губную грамоту, направили своих челобитчиков в Москву. Этот факт вместе с известными губными грамотами, где фиксируются имена реальных челобитчиков, ставит под вопрос принятое в нашей историографии мнение о проведении губной реформы путем односторонней выдачи губных грамот, без реальных челобитных с мест.

В главе III «ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО РАЗБОЙНОГО ПРИКАЗА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНИЮ В РОССИИ XVI-ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.» исследуется деятельность Разбойного приказа в XVI – XVII вв., определяется круг проблем, связанных с местным управлением и изучаемых на основе проанализированных ранее источников.

В параграфе 3.1. «Разбойный приказ как учреждение центрального управления в XVI-первой половине XVII века: эволюция, руководство и административная практика» рассматривается история одного из правительственных ведомств, осуществлявших борьбу с профессиональной преступностью.

Разбойный приказ берет свое начало, подобно большинству других центральных учреждений русского государства, в первой половине XVI в. Основные периоды его истории в целом совпадают с этапами эволюции делопроизводства. В компетенцию приказа входила борьба с разбойниками и ворами, а также с другими профессиональными преступниками. Позднее в этот перечень вошли и убийцы. Кроме того, ему были подчинены ряд тюрем в Москве и в уездах. Территориально власть приказа простиралась почти на всю страну, за исключением небольшого количества регионов. Основными агентами Разбойного приказа были служащие губных изб и сыщики.

Сначала Разбойный приказ существовал в качестве боярской комиссии по разбойным делам, первые упоминания о которой относятся к 1539 г. Как нам удалось показать, высказанное в историографии мнение, что комиссия могла появиться раньше, не подтверждается анализом источников. Нами также было предложено и решение вопроса о времени превращения комиссии в полноценный приказ (рубеж 40-х – 50-х гг. XVI в.). Дальнейшая история рассматриваемого учреждения довольно рельефно отразила такие важные события в истории русского государства, как реформы Избранной Рады, опричнина, Смутное время и проч.

Документооборот и взаимоотношения Разбойного приказа с другими учреждениями были довольно активны, ведь для суда над представителем той или иной категории населения, подчиненного какому-либо приказу территориально или ведомственно, обычно требовалось вступить с ним в переписку.

Руководство приказа в середине XVI в. состояло из представителей высшего слоя правящей элиты, но со временем в нем появляются представители менее знатных чинов, думных дворян и даже рядовых членов государева двора. Дьяки, служившие в Разбойном, обычно не задерживались долго на своем посту. Настоящими знатоками всех тонкостей делопроизводства этого учреждения были подьячие, находившиеся в этой должности годы и даже десятилетия. Обслуживающий персонал приказа составляли недельщики, приставы, палачи, дворские, а также сторожившие тюрьмы выборные посадские люди и ремесленники, обеспечивавшие хозяйственные нужды учреждения.

В параграфе 3.2 «Делопроизводство Разбойного приказа и проблемы истории местного управления XVI-первой половины XVII в.» демонстрируются основные перспективы использования изученного материала для исследования проблем, связанных с губным институтом и другими административными практиками.

Губные избы представляли собой органы местного управления, выступавшие посредниками между центральным правительством в лице Разбойного приказа и обществом. Устройство отдельных губных изб несло на себе отпечаток регионального уклада различных территорий русского государства. Губной институт, сочетая в себе «земское» и «приказное» начала, сохранял свое большое значение на протяжении всей истории существования, несмотря на изменявшийся объем власти.

Взаимоотношения губных изб с Разбойным приказом также испытывали определенные перемены, отражающие процесс централизации, увеличения степени вмешательства головного ведомства в дела своих агентов. С другой стороны, эффективность губных старост и их помощников в борьбе с преступностью во многом зависела от успешности в достижении компромисса власти с местными сообществами.

Делопроизводство Разбойного приказа также позволяет исследовать такой массовый инструмент управления, как судебный и податной иммунитет. Наконец, еще одним интересным направлением является исследование нормативно-правовой базы губного института, зафиксированной в указных книгах Разбойного приказа и некоторых других памятниках. Соотнося регламентируемое правовое и реальное положение органов местного управления, учитывая их взаимодействие с правительством и обществом, принимая во внимание иные административные инструменты, мы можем детализировать наше представление об этом уровне государственного управления.

В Заключении подведены итоги диссертационного исследования, сформулированы выводы по основным проблемам, рассмотренным в ходе работы.

Делопроизводство Разбойного приказа исторически прошло следующие этапы:

На **первом этапе (1539-1549 гг.)** происходило **формирование** как самого приказа, так и его делопроизводства. Боярская комиссия по

разбойным делам не располагала собственными кадрами и пользовалась штатами других ведомств. Изучение формуляра губных грамот позволяет говорить о высокой интенсивности его изменения. Приход на смену губным грамотам в 1549 г. наказов губным старостам, которые представляли собой вид документа с более продуманным и устойчивым формуляром, совпал с появлением собственных кадров. Именно эти два события, по нашему мнению, обозначили превращение временной комиссии в постоянное учреждение.

Второй этап (1549-1584 гг.) можно с полным правом назвать **классическим** для делопроизводства Разбойного приказа. Главной его чертой стало оформление почти всех известных видов делопроизводственных материалов. Многие из источников будут существовать лишь в это время, а в дальнейшем исчезнут. Делопроизводство активно развивалось на протяжении данного периода, неся на себе отпечаток событий царствования Ивана IV.

Третий этап (1584-1613 гг.) был отмечен многочисленными небольшими переменами в делопроизводстве приказа, которые преодолевали консервативные элементы формуляра документов, приспособлявая его к реальной практике. Завершением этого периода стал глубочайший кризис начала XVII в., отразившийся и на деятельности Разбойного приказа.

Началом **четвертого этапа (1613-1649 гг.)** можно считать воцарение новой династии, когда практически сразу был взят курс на преодоление последствий Смуты, расстроившей механизмы функционирования центральных (Разбойного приказа) и местных ведомств (губных изб). В создавшейся ситуации Разбойный приказ проводил политику, нацеленную на укрепление основ деятельности самого приказа и губного дела в целом. Между тем, этот процесс шел с трудом, постоянно сталкиваясь с препятствиями, обусловленными несоответствием старых норм и новых реалий.

Рассмотрение законодательства, регулировавшего деятельность Разбойного приказа и его агентов, позволило показать непосредственную включенность в делопроизводство всех памятников, кроме Судебников. Кроме того, нами были выделены две тенденции в развитии законодательства. Первая, представленная в Судебниках, консервативна и отличается высокой степенью генерализации и обобщения норм. Вторая, носителями которой были указные книги, характеризуется гибкостью, актуальностью и конкретностью норм, но также и низким уровнем организации и обобщения. Обе тенденции были органически соединены в Соборном Уложении 1649 г. Ряд узаконений, принятых в Разбойном приказе, дошел до нас в составе других источников, а многие из действовавших норм вообще не были зафиксированы и применялись зачастую по умолчанию, отражаясь лишь в текущем делопроизводстве.

Анализ нарративных источников существенно уточнил наши представления как об отдельных видах документов, так и о конкретных фактах и явлениях. Исследование записок иностранцев дало интересный материал для перекрестной критики основного корпуса документов. Изучение жития Адриана Пошехонского позволило реконструировать ход одного из самых ранних известных дел Разбойного приказа середины XVI в., критический взгляд на некоторые «известия» В. Н. Татищева помог получить новые данные о правовом базисе деятельности губных старост и заново актуализировать одну из законодательных норм. Наконец, разбор известий псковских летописей позволил уточнить некоторые вопросы проведения губной реформы.

История Разбойного приказа тесно связана с этапами эволюции делопроизводства. В ней отразились важнейшие события в истории России XVI – первой половины XVII в. Место Разбойного приказа среди других правительственных учреждений определялось его преобладающей судебной функцией. Борьба с профессиональной преступностью осуществлялась

Разбойным приказом через управление своими агентами – губными старостами и сыщиками.

Одним из важнейших институтов местного управления являлись губные избы. Кроме основной своей функции, они играли также роль посредников между властью (в лице Разбойного приказа) и обществом. Анализ особенностей организации губного дела в отдельных уездах поможет глубже раскрыть социально-экономический уклад регионов русского государства. Особого внимания заслуживает проблема степени самостоятельности и эффективности губного института. С рассматриваемым уровнем административной практики связаны такие проблемы, как борьба с преступностью, история законодательства, иммунитета.

Исследование этих и других вопросов требует комплексного подхода и привлечения самых разных источников, среди которых документация Разбойного приказа занимает достойное по своему значению место.

**ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ
СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ:**

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. *Воробьев А.В.* «А которых разбойников или татей где поимаете, доведчи на них, да их казните...». Вельская губная грамота 1539/40 года // Исторический архив. 2011. № 3. С. 174-183. (авторский текст 0,7 п.л., из них вклад соискателя 0,4 п.л., текст опубликованного документа 0,1 п.л., всего – 1, 2 п.л.) В соавторстве с М.С. Черкасовой.
2. *Воробьев А.В.* Уложение по организации губного дела 1600/01 г. о делопроизводстве московских приказов и фискальной политике Бориса Годунова. // Отечественные архивы. 2012. № 1. С. 45-54 (0,7 п.л.).
3. *Воробьев А.В.* Разбойный приказ в XVI-начале XVII века: эволюция, руководство и административная практика. // Российская история. 2012. №. 1. С. 17-30. (1,3 п.л.)

Статьи:

4. *Воробьев А.В.* О проведении губной реформы в Ружском уезде (по данным ружской указной грамоты 1540-1547 гг.) // Зубовские чтения: Сборник статей. Вып. 6. Александров, 2012. С. 43-52. (0,7 п.л.).